

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ И АРКАДИЙ РУМАНОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Далеко не каждый читатель воспоминаний, писем и дневников Корнея Ивановича Чуковского (1882—1969) припомнит имя дореволюционного журналиста Аркадия Вениаминовича Руманова (1878—1960), а если и вспомнит, то вряд ли его образ вызовет симпатию, ведь, по словам Чуковского, это был «ловкий и бездушный газетно-журнальный делец, талантливо симулирующий надрывную искренность и размашистую поэтичность души».¹ Эту характеристику Корней Иванович дал Руманову в начале 1920-х и впоследствии не раз повторял в своих книгах. Между тем в неопубликованных письмах Чуковского к Руманову 1900—1910-х годов, обнаруженных в Российском государственном архиве литературы и искусства², образ Аркадия Вениаминовича предстает совсем в ином свете.

Выпускник юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, Аркадий Руманов начал карьеру журналиста в пятигорской газете «Кавказские Минеральные воды». В 1904 году, вернувшись в Петербург после полуторагодового отсутствия, поступил на службу в редакцию «Театральной России», потом — «Биржевых ведомостей», где работал до 1912 года и параллельно, с 1906 года, возглавлял петербургское отделение «Русского слова» — либеральной московской газеты, издаваемой И. Д. Сытиным.

Образованный, обаятельный, обладавший широкими возможностями и связями в правительственных, финансовых, литературных и художественных кругах, Аркадий Руманов, по словам Алексея Ремизова, «без всяких безобразий мог человека прославить и вывести на дорогу».³ Как журналист он отличался тем, что добывал достоверную информацию из самых различных источников и тут же пускал ее в печать. С одной стороны, это повышало газетные тиражи, с другой — укрепляло репутацию журналиста. За десять лет работы с Сытиным, представляя деловые и личные интересы издателя в столице, Руманов, по свидетельству современников, стал его «правой рукой». Неслучайно в 1916 году, когда Сытин приобрел в собственность журнал «Нива» и «Товарищество издательского и печатного дела „А. Ф. Маркс“», он назначил Руманова на должности директора «Нивы» и одного из трех директоров «Товарищества...».⁴

Уже перечисление периодических изданий («Биржевые ведомости», «Русское слово», «Нива») и книжных издательств («Товарищество И. Д. Сытина» и «Товарищество „А. Ф.

становились какими-то ястребами — и был им свойствен какой-то особенный сытинский хищный азарт! Размашисты были так, что страшно — в телеграммах, выпивках, автомобилях, женщинах».³⁰

До революции Корней Иванович воспринимал тех же людей иначе, хотя и прежде бывали случаи, когда Сытин, например, его раздражал, и не без оснований. Так, весной 1914 года издатель отказался оспаривать судебный иск, возбужденный против книги Чуковского «Поэзия грядущей демократии: Уолт Уитмен». Он не послал адвоката издательства на судебный процесс, согласившись тем самым с уничтожением книги. По этому поводу Корней Иванович писал Руманову:

«Дорогой Аркадий Веняминович. Цензурой я не возмущаюсь нисколько, но неужели у издательства Сытина так-таки не нашлось никого, кто доказал бы Судебной Палате, что все эти помарки и зачерки сделаны хулиганом-невеждою, ибо нельзя же вычеркивать то, что невозбранно печаталось в „Речи” и в „Русском слове”, в моей первой брошюре о „Уитмэне”, во множестве русских журналов, что преспокойно печатается в Англии, в Америке, в Австралии, где отношение к половому вопросу куда нетерпимее нашего; что Уитмэн — великий поэт, и его нельзя же трактовать, как какого-нибудь слюнтяя порнографа... Есть же у издательства Сытина свои адвокаты, ходатаи, почему же ни один не явился в Палату и не разъяснил сути дела? Почему же *даже я*³¹ не знал, когда будет разбираться в суде это любопытное дело; я привел бы своего адвоката, я сам поехал бы в Москву, я прокричал бы об этом в газетах. Почему меня не известили, не позвали?

Но теперь уже поздно пререкаться. Нужно хоронить или лечить эту бедную истерзанную книгу. По-моему, никакие бинты не помогут. Единственное, на что я могу согласиться, это чтобы вместо зачеркнутых строк всюду были поставлены точки и чтобы в предисловии вначале было читателям сказано, что точками означены в книге все уничтоженные Судебной Палатой места. Точек выйдет не особенно много, ибо порою все место вычеркивалось из-за пяти-шести слов, которые мы тщательно вытравили, не нарушая контекста, и тогда через неделю, к Пасхе, книга снова сможет выйти в свет.

Этого требует наше достоинство: вежливо, но неуклонно протестовать против хулиганской расправы с нашими трудами и мыслями.

Ваш Чуковский.

В понедельник вручу Вам книгу с необходимыми урезами и сокращениями».

Спустя несколько лет книга в переработанном виде вышла в свет в другом издательстве.

Со «всемогущим» Сытиным, а вместе с ним и с Румановым, Чуковскому приходилось общаться также в связи с подготовкой к публикации репинских материалов. Так, «Товарищество „А. Ф. Маркс”» подготовило к изданию том упомянутых выше воспоминаний Репина³², но из-за разгрома в 1916 году типографии в свет они не вышли. Корнею Ивановичу как редактору несостоявшегося издания тогда же был возвращен сверстаный макет «с окончательно исправленным текстом, утвержденным собственноручной подписью Репина».³³